

Автор // Коннов Александр

СИМУЛЯКР

Иллюзия, которая управляет реальностью

ФИЛОСОФИЯ // ТЕХНОЛОГИИ // БУДУЩЕЕ

18+

Александр Коннов

Симулякр

<https://litres.ru/73980134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это документация симуляции - служебная инструкция. Исторический роман с интерфейсом фантастики. Или нет? Теперь, когда Рай уже загружается, стоит спросить: кто последний Архитектор? И что он сделает со своей совестью, когда белый свет зальёт экран?

«Симулякр. Хроники семьи N» — антиутопия, где история становится исходным кодом апокалипсиса.

Все имена и события вымышлены, любое совпадение случайно.

Содержание

Пролог: 2049	4
Глава 1. Глиняная скрижаль.	19
Глава 2. Пирамида как сервер	31
Глава 3. Хаммурапи.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Коннов

Симулякр

Пролог: 2049

Бар назывался «Последнее пристанище», и это была не метафора. В мире, где нейроинтерфейсы транслировали рай напрямую в гипоталамус, а за окном всегда был июнь, потому что климат-контроль не выносил сбоев, это заведение оставалось последним местом, куда можно было прийти физически. Без масок. Без аватаров. Собственными ногами, обутыми в натуральную кожу, которая ещё помнила, как пахнет скотобойня.

Я сидел у панорамного окна, за которым в токсичной дымке растворялся силуэт Московского Сити. Небоскребы, подсвеченные голографической рекламой, напоминали надгробия эпохи, которая так и не наступила. Неон плакал по стеклу розовыми и голубыми слезами. Официантка с вживленным в висок чипом вежливости принесла мне «Белого русского». Коктейль был отвратительным — сливки явно синтезированные, а водка пахла больницей. Но это был единственный напиток, который имел хоть какой-то вкус в городе, где всю еду штамповали на молекулярных принтерах.

Меня зовут Ник. По крайней мере, в этой инкарнации. В семейных гроссбухах я значусь как Никодим-17, и если вам интересно, что случилось с предыдущими шестнадцатью, — ничего особенного. Они выполнили свою задачу и были заархивированы. Мы не умираем. Мы просто перестаем быть интересными Совету.

Я сделал глоток и поморщился. Ледяная жижа обожгла горло. Где-то над ухом, прямо в черепной коробке, пропищал входящий вызов. Я моргнул дважды, открывая интерфейс. Перед глазами развернулась полупрозрачная панель с данными. Очередной отчет из Цюрихского узла. Репликация ДНК в секторе семь-дробь-четыре. Стабильность биомассы — 99.78%. Рождаемость чуть ниже прогноза, но это поправимо — добавим феромонов в питьевую воду, и через девять месяцев получим всплеск. Люди до сих пор думают, что секс — это их личное решение. Забавно.

За соседним столиком устроилась пара. Девушка с неестественно синими глазами и парень в пиджаке из «умной» ткани, которая подстраивала цвет под его настроение. Сейчас пиджак был серым. Настроение — апатия. Они пили цветные шоты и обсуждали, куда поехать в отпуск. На выбор было три варианта: Марсианская колония (низкая гравитация и спа-центры), Подводный Париж (купол с видом на руины Эйфелевой башни) или виртуальный круиз «По следам Римской империи». Последний вариант был моим любимым.

— А давай в Рим! — проворковала девушка, накручивая

на палец прядь волос. — Говорят, там такие гладиаторские бои! Полное погружение. Можно почувствовать, как льется кровь на песок. Это так... аутентично.

Парень кивнул. Его пиджак сменил цвет на приглушенно-зеленый. Согласие. Я отвернулся. Они не знали, что сценарий «Римской империи» писал мой пра-пра-пра дедушка по цифровой линии. Славный был старик. Это он придумал сдирать кожу с пленных на глазах у публики. Крики боли отлично калибровали коллективное бессознательное, заставляя стадо жаться к вождю. Стадо до сих пор жметя. Только теперь вождь — это корпорация, а крики транслируются через сабвуферы виртуальных арен.

Я снова хлебнул «Белого русского», пытаясь заглушить горечь во рту.

За окном, перекрывая шум дождя, взвыла полицейская сирена. Где-то в нижнем городе, на уровне минус двадцать, очередной безумец решил, что он не просто биомасса. Обычно они кричат про «матрицу», про «ложную реальность» и про то, что небо — это гигантский LED-экран. Самое смешное, что они правы. Небо действительно экран. Но кто им поверит?

«Сумасшедшие, — гласит официальный бюллетень, — подлежат гуманной эвтаназии в целях профилактики социальной дестабилизации». Красивый термин. Я лично редактировал эту формулировку. Кратко. Сухо. Без пафоса. Замятин бы оценил. В его «Мы» нумера бунтовали против Еди-

ного Государства, но даже он, старик Женя, не мог вообразить, насколько элегантной станет система. Никаких Благотетелей. Никаких видимых стен. Просто девочка с синими глазами заказывает коктейль, а молекулярный принтер в баре добавляет туда микродозу серотонина, чтобы она улыбалась, глядя на парня в сером пиджаке. Все счастливы.

Я активировал часы — антикварную вещь из титана, которую носил скорее в качестве протеста против имплантов. Часы показывали 23:42. До Запуска оставалось восемнадцать минут.

Допив коктейль, я отодвинул стакан. Лед на дне жалобно звякнул. Перед внутренним взором всплыли строки из старых книг. Бумажные носители всё ещё были в моде среди Архитекторов. В нашем кругу было особым шиком иметь библиотеку из настоящих, пахнущих плесенью и временем томов. Олдос Хаксли, мой вечный оппонент в семейных дебатах, писал о «соне» — наркотике, который дарует покой и оцепенение. Старина Олдос и не догадывался, что мы сумеем синтезировать сому из самого воздуха, из контента, из лайков, из коротких видео, которые длятся ровно столько, чтобы нейрон не успел заскучать. Мы превратили скуку в преступление, а одиночество — в диагноз.

А Джордж? Бедный, наивный Джордж Оруэлл. Он думал, что Большой Брат будет представлять собой гигантский топорный экран, вещающий пропаганду. Он не понял главного: тоталитаризм будущего будет не пугать, а развлекать. Мы

не запрещаем книги, мы просто издаем их миллионами, так что никто не может найти среди этой макулатуры ни одной стоящей. Мы не выключаем камеры, мы дарим их людям в виде смартфонов, чтобы они сами снимали свою жизнь на потребу публике. Никто не вторгается в твою частную жизнь, потому что ты сам ею торгуешь за лайки.

В «1984» была комната 101, где человек встречался со своим самым страшным кошмаром. Крысы, говорил Оруэлл. Крысы, которые грызут лицо. Какая архаика. У нас нет комнат пыток. У нас есть «умные» дома, которые знают, когда тебе грустно, и заказывают пиццу быстрее, чем ты успеешь осознать свою печаль. Пицца приезжает, ты жрёшь, серотонин подскакивает — и вот ты уже не опасен для Системы. Ты доволен. Ты накормлен. Ты смотришь сериал. А крысы? Крысы живут в нижнем городе, но это только потому, что Совет по Биоразнообразию решил их сохранить. Даже у паразитов есть право на экологическую нишу.

Замятин... Ах, Евгений. Самый честный из них троих. И самый наивный. Он думал, что прозрачные стены и тотальная слежка убьют душу. Он не знал, что люди готовы сами платить за право жить в стеклянном доме. Им нужно, чтобы их подсматривали. Им нужно шоу. Мы просто дали им то, чего они хотели.

Я взглянул на часы. Без четверти двенадцать.

В детстве, когда меня только начали готовить к роли Архитектора, учитель показал мне симуляцию древнего Вави-

лона. Это был грязный город, где рабы месили глину ногами. Он спросил меня тогда: «Ник, в чем разница между рабом и свободным?» Я начитался умных книг и начал рассуждать о правах, о свободе воли, о выборе. Учитель рассмеялся. Смех у него был скрипучий, как несмазанные петли.

— Раб знает, что он раб, — сказал он, выключая голограмму. — Свободный думает, что он бунтарь.

Запомни это, Ник. Вся наша работа строится на этом принципе. Пусть думают.

С тех пор прошло тридцать лет. Я пережил три обновления «прошивки» и две смены Совета. Я видел, как мы опыляли целые континенты спорами войн и идеологических эпидемий. Я лично санкционировал «Шум» — проект по заполнению эфира таким количеством фейковой информации, что средний пользователь тратил на фильтрацию реальности 99 процентов своего когнитивного ресурса. Свободного времени на осознание рабства просто не оставалось.

Телефон на столе завибрировал. Беззвучно, но я почувствовал дрожь через столешницу. Сообщение от Цеха Наблюдателей.

«Пакет загружен. Хеш-сумма подтверждена. Ждем ключ».

Я сжал переносицу пальцами. Глаза устали. Импланты, конечно, корректировали зрение, но фантомная боль в мышцах оставалась атавизмом, доставшимся от предков. Тяжесть выбора — тоже атавизм. У Архитектора не должно быть со-

мнений. Мы — всего лишь сисадмины этого сервера под названием «Земля».

Около барной стойки какая-то девушка заказала «Слезу Дракона». Коктейль задымился жидким азотом, и публика вокруг зааплодировала. Фокус. Дешёвый трюк, чтобы отвлечь внимание от того, что творится под капотом. Люди хлопали дыму, пока за стеной, в километре под нами, гигантские серверные фермы просчитывали их судьбы на сто ближайших поколений вперед.

Я открыл блокнот. Настоящий, бумажный. Гелевая ручка оставляла на поверхности листа синие разводы. Я люблю писать от руки — это создает иллюзию того, что мои решения всё еще принадлежат мне.

Итак. Релиз.

Мы готовились к нему с момента падения Рима. Шутка, конечно, но в каждой шутке — лишь доля шутки. Римская империя была нашим первым масштабным бета-тестом. Мы хотели посмотреть, сможет ли единая система права, единый язык и культ «спасителя-императора» удержать в узде разношерстную биомассу от Британии до Парфии. Эксперимент удался частично. Мы недооценили способность варваров к репликации. Пришлось устроить Темные века, чтобы перезагрузить сервера.

Сейчас всё иначе. Сейчас мы готовы.

Я пролистал страницы назад. Там были записи, сделанные за последний месяц.

«1. Проверить стабильность нейросети. Ошибка: в секторе Гоа 12 пользователей сообщили о "дежавю". Устранено. Память подчищена. Пользователи утилизированы согласно протоколу 7-бета. 2. Инъекция "страха перед будущим" в медиаполе Североамериканского сектора. Уровень тревожности повышен на 15%. Люди сами требуют усиления безопасности. 3. Переговоры с Азиатским кланом. Подтверждена синхронизация. Дракон будет послушен».

Дракон. Забавное кодовое имя. На самом деле, речь шла о миллиарде человек.

Официантка подошла снова. Ее глаза, расширенные линзами, выглядели как два идеальных озера метанового льда. Ни единой мысли. Абсолютно счастлива. На бейджике значилось «Есения». Имя, которое ей дали в приюте.

— Повторить? — спросила она, кивая на пустой стакан.

— Нет. Счёт.

Она улыбнулась, и в ее улыбке на мгновение мелькнул глитч — микроскопическая задержка нейромышечного ответа. Брак в прошивке. Партия чипов от «НейроЛинкс» оказалась с дефектом. Я мысленно пометил отправить запрос в Отдел Контроля Качества. Таких, как она, нужно отбраковывать на стадии эмбриона, иначе потом начинаются спонтанные атаки свободы воли. Приходится тратить ресурсы на психиатрические бригады и «гуманную эвтаназию».

Когда Есения отошла, я снова остался один на один с городом за окном.

Туман сгущался. Небоскребы теперь выглядели как зубья расчески, воткнутой в тело мертвого гиганта. Где-то там, на шпиле башни «Эволюция», горел маяк для дронов-доставщиков. Красный огонек пульсировал с интервалом в две секунды.

Мой мир. Наш мир.

Сорок пять веков мы вели человечество к этому дню. Шумерские глиняные таблички были бета-кодом бухгалтерии. Египетские пирамиды — антеннами для передачи данных в центр Галактики. (Ладно, это была шутка, но кто знает наверняка?) Хаммурапи, Ликург, Цезарь, Диоклетиан, Юстиниан, Карл Великий, Медичи, Кольбер — все они были нашими аватарами, нашими марионетками, а иногда и полноценными членами Семьи. Мы впрыскивали в историю код за кодом, патч за патчем. Мы тестировали террор, иллюзию демократии, тотальную евгенику, монотеистический вирус, капиталистическую гонку, промышленный ад, и, наконец, венец творения — цифровой концлагерь с бесплатной доставкой пиццы.

XX и XXI века стали золотой эрой бета-теста. Мировые войны, Холокост, атомные бомбардировки — мы проверяли пределы выносливости человеческой «операционной системы», и, надо признать, она показала себя на удивление живучей. Человек мог гореть в печах и при этом верить в гуманизм. Человек мог стоять в очереди за хлебом и цитировать Пушкина. Поразительная прочность кода. Но и у нее есть

предел.

Этим пределом станет «Золотой век».

Я достал из внутреннего кармана пиджака маленький стеклянный цилиндр. Внутри переливалась голубым светом нано-сыворотка. Последний штрих. Ключ активации. Теоретически, я должен был вколоть ее себе, чтобы слиться с ядром системы и запустить протокол. Но я медлил.

Почему я медлил? В этот самый момент в баре «Последнее пристанище», под звуки джаза, который генерировал искусственный интеллект, имитируя Майлза Дэвиса, я вдруг ясно и отчетливо осознал весь ужас нашего замысла.

Я посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Пальцы Архитектора привыкли к любым нагрузкам. Но внутри, где-то в районе диафрагмы, зарождался холодный, липкий страх. Не за себя. Я-то выживу. Я переживу эту перезагрузку, как переживал все предыдущие. Страх был за ту девушку с синими глазами, за парня в сером пиджаке, за Есению с бракованным чипом. Они ведь действительно верят, что едут в отпуск. Они верят, что любят. Они верят, что свободны.

А мы отнимем у них даже способность верить.

Мы дадим им взамен достоверность. Абсолютную, тактильную, просчитанную до последнего нейрона реальность. Рай. Персональный рай, где ты — центр вселенной. Где не бывает разочарований, потому что любое твое желание исполняется прежде, чем ты его сформулируешь. Это ли не мечта человечества?

Капля неона скатилась по стеклу, исказив пейзаж за окном.

Нет. Это ловушка. Мечта обернулась кошмаром именно тогда, когда ее исполнили. Об этом говорил Хаксли — о мире без страданий, где искусство умерло, потому что некому стало страдать. Об этом кричал Оруэлл — о мире, где выбор есть иллюзия, подкрепленная дубиной. Об этом шептал Замятин — о бесконечности, где нет ересей, потому что нет души.

Я, Архитектор Никодим-17, принадлежу к старой школе. Я читал их книги не в дайджестах, а в оригиналах, вдыхая споры грибов со страниц, отданных букинистом за бесценок. Я помню их предостережения. Но я — Архитектор. Мой долг — не рассуждать. Мой долг — компилировать - собирать.

Часы показали 23:55.

Пять минут.

Я сжал цилиндр в кулаке. Стекло обожгло ладонь холодом. Или показалось? В баре приглушили свет. Началось какое-то шоу. Голографическая танцовщица в стиле «ретро-футуризм» парила над стойкой, разбрасывая пиксельные искры. Публика взревела от восторга. Хлопки. Крики. Живой звук. Редкость.

— Эй, приятель, — внезапно раздался хриплый голос справа.

Я вздрогнул. Ко мне за столик без приглашения подсел человек. Лет сорока на вид. Хотя в наше время биологиче-

ский возраст уже не имел значения. Он был одет в потертое кожаное пальто, что само по себе было дикостью в эпоху самоочищающихся тканей. Волосы спутаны, глаза темные, но на дне этих глаз плясали бесенята понимания. От него пахло настоящим табаком и дорогим виски.

— Не помешаю? — спросил он и, не дожидаясь ответа, пододвинул к себе пепельницу.

— Вообще-то...

— Брось, Архитектор, — он усмехнулся, и у меня внутри всё оборвалось

— Я тебя знаю. Несколько сотен лет назад, когда жгли Джордано Бруно, у твоего предшественника так же дергалась щека. Ты из семьи Ди Надро, верно? Лоренцо, кажется? Или ты из ветви Имхотепа? Нет, ты не египтянин. Ты северянин. Вий... Нет, не Вий. Вием был твой дядя. А ты — Ник.

Мое сердце пропустило удар. Никто в этом баре не мог знать этих имен. Данные о Семье хранились не на серверах — они были вшиты в коллективное бессознательное, зашифрованы в архетипах. Чтобы извлечь их, нужно обладать ключом, идентичным моему.

— Кто ты? — тихо спросил я, пряча цилиндр в карман.

— Я? — он затянулся сигаретой, и дым окутал его лицо.
— Я тот, кого вы пытались стереть последние две тысячи лет. Я — баг. Я — сомнение. Во мне течет краска типографий Гутенберга и яд философов Сада. Я — тот самый партизан, которого боится твоя Система. Я последний свободный че-

ловек.

— Свободных людей не существует, — автоматически ответил я, вспоминая протокол допроса.

— Правильно, — кивнул он, стряхивая пепел. Пепел падал на стеклянный пол и растворялся, не долетая. — Именно поэтому я здесь. Чтобы поздравить тебя. Завтра ты запустишь Рай. И все, включая меня, наконец, перестанут существовать. Ты ведь этого хочешь?

Я молчал. Цилиндр в кармане, казалось, прожигал дыру в бедре.

— Я прочел твои записи, — незнакомец кивнул на мой блокнот, который я оставил на столе. — Красивый слог. «Контролируемый коллапс». «Управляемая дефрагментация». Знаешь, что я думаю? Я думаю, тебе страшно. Тебе страшно, потому что, если ты сейчас нажмешь Enter, ты никогда не узнаешь, была ли у тебя свобода воли хоть раз за всю твою бесконечную жизнь. Ты был винтиком в машине, которую сам же и построил.

— Заткнись, — прошептал я.

Часы показывали 23:59.

— Уже поздно, Ник, — он улыбнулся. Улыбка была теплой и человеческой.

— Я пришел не останавливать тебя. Я пришел попроситься. С тобой и с этим миром. Скоро вы все станете единым целым. Счастливые нумера в прозрачных стенах, которые сами себе построили. Я лишь прошу тебя об одном: когда уви-

дишь старика Оруэлла, передай ему, что он был прав. Но крысы всё-таки оказались симпатичнее, чем он думал.

Бой курантов. Вернее, их цифровая имитация, синхронизированная со спутниками.

Полночь.

Я выхватил цилиндр. Пальцы не слушались. Они дрожали. Тот, древний ужас, который гнал вперед орды Чингисхана и эскадры Колумба, вдруг проснулся во мне. Страх ошибиться. Страх уничтожить нечто важное.

Незнакомец встал. Он бросил сигарету в стакан с моим недопитым «Белым русским». Жидкость зашипела и погасила уголек.

— Прощай, Архитектор.

Он повернулся спиной и пошел сквозь танцующую толпу, сквозь дым и голографические искры, к выходу из бара.

Я смотрел ему вслед, сжимая в кулаке ключ от Апокалипсиса. Стекло треснуло, и голубая жидкость побежала по моим пальцам, смешиваясь с кровью. Нано-сыворотка уже проникла в кровоток. Процесс стартовал автоматически. Отменить было нельзя.

Я перевел взгляд на окно.

Неон погас. Реклама исчезла. Небоскребы Московского Сити начали медленно меркнуть, словно кто-то выкручивал ручку яркости на гигантском мониторе. Цвета уходили из мира. Сначала красный, потом синий, потом зеленый. Остался только белый.

Белый, как прозрачные стены в романе Замятина. Белый, как страница, с которой стерли все слова, как в антиутопии Оруэлла. Белый, как свет вечного блаженства, обещанный сомой Хаксли.

Мир схлопывался.

Я услышал, как где-то далеко, за границей восприятия, смеется незнакомец. Смеется и цитирует Экклезиаста. Или это мне уже казалось? Сознание плавилось, уступая место протоколу «Релиз».

Никодим-17, последний Архитектор планеты Земля, откинулся в кресле. По моим венам бежал огонь новой загрузки.

Я успел подумать только одно, прежде чем белый шум залил мой мозг: «А ведь он забыл пожать мне руку».

Глава 1. Глиняная скрижаль.

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

Евангелие от Иоанна, 1:1-3

Когда меня спрашивают, с чего всё началось, я обычно заказываю ещё один «Белый русский» и предлагаю заглянуть в подвал нашего родового поместья. Там, в герметичных витринах с контролируемой влажностью, лежат артефакты, от которых у любого археолога случился бы разрыв аневризмы. Но начинать надо не с них. Начинать надо с грязи. С жирной, чёрной, благословенной грязи Междуречья, которую мы, Архитекторы, до сих пор называем Первым Сервером.

Шумер. Третье тысячелетие до рождения того самого плотника, чей культ мы позже виртуозно перепрошьём в ОС «Христианство». Цивилизация, которую официальная наука считает колыбелью всего — письменности, городов, государства. Наука, как водится, права лишь отчасти. Она видит следствие, но не причину. Письменность возникла не потому, что шумерам понадобилось записывать долговые распис-

ки. Она возникла потому, что один человек — или, скажем так, одна сущность — поняла: мир в его текущей конфигурации слишком хаотичен, чтобы его можно было контролировать напрямую. Нужна система. Нужен лог-файл реальности. Нужен тот, кто будет этот лог заполнять и, сам того не понимая, отлаживать симуляцию.

Этого человека звали Энкиду. По крайней мере, так его зовут в семейных анналах, хотя его настоящее имя стёрто даже для нас. Это была первая инкарнация, первый эксперимент по внедрению сознания Архитектора в биологический носитель. Мы до сих пор не знаем, был ли он рождён от смертной женщины или скомпилирован в лаборатории какого-то более древнего, утерянного цикла. Но мы точно знаем, что именно он написал первую строку кода, которой суждено было стать фундаментом всей человеческой истории. В семье его называют «Дебаггер». И это прозвище он носил с мрачной гордостью.

Чтобы понять гениальность Дебаггера, нужно представить Шумер не по картинкам из учебника, а как оно было на самом деле. Жара под сорок. Илистые потоки Тигра и Евфрата, ежегодно переписывающие рельеф. Города-государства — Ур, Урук, Лагаш, — жмущиеся к храмам, словно выводок крысят к брюху дохлой матери. Люди — загорелые, пропылённые, короткоживущие, смотрящие на небо с ужасом и подобострастием. Для них боги были реальнее соседа. Энлиль, бог воздуха, мог наслать песчаную бурю. Энки, бог подзем-

ных вод, мог отравить колодец. Инанна, богиня любви и войны, была капризной стервой, которая то дарила победу, то забирала потенцию. Люди в этой среде были просто периферийными устройствами, реагирующими на стихийные сигналы. А стихия — шум. Белый шум хаоса.

Дебаггер понял: чтобы превратить шум в сигнал, надо создать интерфейс между человеком и стихией. Точнее, убедить человека, что такой интерфейс существует, и что доступ к нему есть только у избранных. И он создал храм.

Не храм как место поклонения, а храм как дата-центр. Зиккурат — это не просто ступенчатая башня, чтобы поближе к небу. Это серверная стойка, врытая в землю. Каждая ступень — уровень доступа. На вершине — святая святых, где хранится «исходный код» — глиняные таблички с первыми алгоритмами взаимодействия с «божественным». На самом деле там просто сидел жрец, который обладал монополией на грамотность. Но пастве объясняли, что он общается с небожителями. В некотором роде, так и было: он общался с нами, с Архитекторами, через сны или через тот самый «белый шум», который Дебаггер научился модулировать, транслируя инструкции.

Первым шагом было внедрение письменности. Я видел копии тех первых табличек — не в музее, а в нашем архиве, где хранятся подлинники, выкраденные из раскопок раньше, чем туда добрались официальные археологи. На них ещё не клинопись, а рисуночное письмо. Колос. Рыба. Голова бы-

ка. Счетные палочки. Мы, Архитекторы, часто шутим, что это был первый язык программирования низкого уровня — ассемблер реальности. Пиктограмма «колос» обозначала не просто колос, а единицу зерна. «Рыба» — единицу белка. «Голова быка» — тягловую силу. Дебаггер создал не просто алфавит. Он создал систему классификации, которая позволяла перевести материальный мир в цифровой код — пусть пока и записанный на влажной глине.

Поначалу таблички использовали для учёта. Храм собирал подати: десятую часть урожая, десятую часть приплода скота. Чтобы никто не жульничал, нужен был реестр. Прimitивная база данных. Но Дебаггер знал, что база данных — это ещё и база контроля. Первые писцы, обученные им лично, не просто записывали цифры. Они записывали имена. Кто сдал. Кто нет. У кого сколько земли. У кого сколько детей. Дети — это будущие налогоплательщики или будущие рабы. Данные копились. Хранилища табличек — прообразы серверных ферм, которые мы построим потом в пустыне Невада — разрастались. Жрецы-администраторы сидели в прохладных залах, перебирая глиняные «файлы», и постепенно осознавали: они знают о людях всё. И это знание — власть.

Вторым шагом Дебаггера было изобретение бюрократии. Это слово сейчас вызывает зевоту, но поверьте, три тысячи лет до нашей эры это был вирус такой силы, что перед ним бледнеют все «трояны» и «черви» цифровой эпохи. Дебаг-

гер создал процедуры. Чтобы получить зерно из храмового амбара во время голода, нужно было подать запрос. Запрос должен быть записан на табличке определённой формы. Подписан определённым писцом. Заверен старейшиной общины. Проверен надзирателем. И только потом, если ответ получен — а он мог идти неделями, потому что табличка путешествовала по инстанциям, — человек получал паёк. Если он умирал с голоду, пока ждал, — это была его вина. Неправильно оформил. Не в то отделение пошёл. Не на того писца вышел.

Процедура стала ритуалом. Ритуал стал необходимостью. Очень быстро люди забыли, что можно просто взять и дать голодному еды, потому что таков человеческий порыв. Нет, теперь это было невозможно, потому что «положено» или «не положено». Дебаггер с холодным любопытством наблюдал, как этот алгоритм подчиняет себе мышление целых городов. Человек переставал быть человеком, он становился юзером, который подписал пользовательское соглашение, даже не читая. А пункт первый в этом соглашении, выгравированный на базальтовой стеле, гласил: «Ты — ничто. Храм — всё».

Сам Энкиду-Дебаггер жил не в храме. У него был дом на окраине Урука, сложенный из того же глиняного кирпича, что и лачуги простых земледельцев. Но внутри всё было иначе. Стол, заваленный табличками. Чертежи каких-то механизмов, которые появятся только через пять тысяч лет. И

цилиндрическая печать, вырезанная из ляпис-лазури, — его личный ключ шифрования. Он редко появлялся на публике, предпочитая действовать через сеть обученных жрецов. Те, кому посчастливилось его видеть, описывали его как высокого, сутулого человека с глазами разного цвета: один серый, как воды Евфрата, другой золотистый, как песок пустыни. Мы, Архитекторы, знаем, что гетерохромия — частый признак неполной совместимости прошивки с носителем. Сбой в пигментации. Но тогда она внушала суеверный ужас. Говорили, что он видит мир иначе. Так и было.

Время от времени он выходил на «полевые работы», как мы это называем. Например, когда нужно было сломать сопротивление какого-нибудь вождя, который не желал отдавать зерно храму. Дебаггер не угрожал. Он просто приходил к вождю и говорил: «Я запишу твоё имя». Это звучало безобидно. Но табличка с именем вождя отправлялась в храм, и там её клали в корзину «должников». Через месяц вождь обнаруживал, что его жена не может купить масла на рынке, потому что имя мужа в «чёрном списке». Его сыновей не берут в войско. Его поля не получают воды из канала, потому что распределение воды — привилегия, а привилегии надо заслужить лояльностью. Вождь приходил в храм, бился лбом в глиняный пол крича: «Что мне сделать, чтобы моё имя вычеркнули?» Ему зачитывали перечень: подать столько-то, отработать столько-то, отдать дочь в храмовые блудницы, отдать сына в писцы. Он соглашался. Бюрократиче-

ская петля затягивалась. И никто, заметьте, не применял насилия. Только глина. Только знаки, выдавленные тростниковой палочкой. Это была магия, которая работала безотказно.

Самый гениальный ход Дебаггера касался времени. Он изобрёл учёт времени. Не просто смену дня и ночи, а циклический календарь. Лунный календарь с двенадцатью месяцами, разделённый на недели. Праздники, привязанные к астрономическим событиям. Это был аналог системного таймера. Человеческая жизнь получила тактовую частоту. Люди узнали, что такое «срок». Налог надо сдать до новолуния. Долг надо отдать до праздника Инанны. Время из течения превратилось в ресурс, который можно учитывать, отнимать, дарить. «Взять кредит» в Шумере означало взять зерно под залог будущего урожая. Долг записывался на табличке с указанием даты возврата. Если дата проходила, а долг не возвращался, табличка отправлялась в архив «просроченных ссуд». Начислялись проценты. Пени. Прототип банковской системы, который потом так полюбят Медичи в XV веке, был создан именно тогда, на шумерской глине.

Дебаггер писал в одной из своих «служебных записок» (мы нашли её через тысячу лет, при раскопках Ниневии): «Они думают, что время — это река. Но река течёт сама. А время мы делаем сами. Мы нарезаем его на куски и продаём им обратно. Они благодарны. Они говорят: У нас есть сроки, значит, у нас есть порядок. Они не понимают, что сроки — это клетка, собранная из моментов».

Мне особенно нравится история о том, как Дебаггер создал первую в истории перепись населения. Это был, пожалуй, самый дерзкий его проект. Он убедил правителя города-государства Лагаш, некоего Эанатума (имя сохранилось в анналах, Эанатум был нашим прототипом аватара-завоевателя), что для ведения войны нужно знать, сколько у него боеспособных мужчин. И не просто знать, а задокументировать. Писцы прошли по каждому дому. Они записывали: имя, возраст, род занятий, количество скота, размер надела. Лагаш стал первым тоталитарным государством в истории, сам того не осознавая. Перепись дала не просто статистику. Она дала контроль. Теперь можно было адресно посылать повестки. Адресно собирать налоги. Адресно проводить мобилизацию на строительство каналов. Человек перестал быть анонимной частью толпы. Он стал записью в базе данных. Личностью, но в самом страшном смысле этого слова — личностью, за которой следят.

Следствием переписи стало рабство нового типа. Рабство не по рождению, а по статусу должника. Если ты не мог заплатить подать, храм продавал твою семью в соседний город. Или отдавал тебя самого на работы. И всё это — на основании глиняных табличек. Дебаггер называл это «ликвидностью активов». Люди превращались в токены, которые перемещались между кошельками знати. А храм выполнял функцию расчётного центра.

Но даже у самых совершенных систем есть изъян. Вирус

бюрократии, который Дебаггер запустил, чтобы контролировать людей, начал пожирать и его самого. Вот вам драма, достойная греческой трагедии, только случившаяся за полторы тысячи лет до Эсхила. Через двадцать лет после запуска «Протокола Энкиду», как мы его называем, сам Энкиду-Дебаггер оказался погребён под лавиной процедур. Сеть храмов разрасталась. У каждого храма был свой главный жрец, свой архив, свои правила. Чтобы что-то изменить в системе, Дебаггеру теперь нужно было писать запросы. Его собственное творение перестало его слушаться, потому что оно было спроектировано так, чтобы слушаться не человека, а правила. Однажды он попытался списать долг бедной вдове, чей сын был его личным носильщиком сандалий. Но храмовый писец отказал. «Нет формы, — сказал он, тыча пальцем в протокол на табличке. — Нужна подпись энси. Нужна печать казначейства. Нужно согласие совета старейшин». Дебаггер пришёл в ярость. Он разбил табличку о голову писца. Это был первый задокументированный баг-репорт, решившийся через физическое насилие. Писца, конечно, вылечили (у нас уже были примитивные врачи), но случай стал прецедентом. Жрецы зашептались: «Энкиду безумен. Он хочет сломать порядок, установленный богами».

Они не знали, что он и есть тот бог, который установил этот порядок.

К концу жизни (а жил он, по нашим данным, около ста пятидесяти лет, что неплохо даже для Архитектора того по-

коления), Дебаггер стал затворником. Он удалился в маленькое селение на берегу Персидского залива и посвятил остаток дней написанию «Книги Мёртвых Имён». Это был странный текст, зашифрованный ранней клинописью и до сих пор не расшифрованный никем, кроме Семьи. В нём он перечислял имена всех, кто когда-либо был записан в его реестрах. Тысячи имён. Десятки тысяч. И каждое сопровождалось короткой характеристикой: «пахарь, ленив», «вдова, плаксива», «писец, туп, но исполнитель». Зачем он это делал? Кто-то из наших историков считает, что он пытался сохранить в памяти тех, кого сам же лишил свободы. Эдакое покаяние. Кто-то — что он составлял «чёрный список» для будущих воплощений, чтобы знать, какие души перерабатывать, а какие стирать. Я склоняюсь ко второй версии. Дебаггер никогда не был сентиментален. Он был системщиком. И систему он строил так, чтобы даже после его ухода она продолжала работать.

Умер он, по легенде, в тот день, когда в Урук явилось посольство из далёкого города, чтобы попросить у храма зерна в долг. Писец заполнил форму. Дебаггер спросил: «Зачем вы просите у тех, кто вам ничего не должен?» Ему ответили: «Потому что у них есть форма». Он рассмеялся, захлебнулся кашлем и умер. Смех его был записан на табличке, которая теперь лежит у меня в подвале. Смех человека, осознавшего, что вирус стал операционной системой.

Теперь давайте поговорим о значении этого этапа. Шу-

мер стал полигоном, где были обкатаны базовые инструменты управления, которые мы используем до сих пор. Письменность как система учёта трансформировалась в письменность как систему мышления. Сравните шумерскую клинопись и современный язык контрактов. Те же безличные конструкции. Та же строгость формулировок. Та же невозможность избежать ловушки, если ты её подписал. Бюрократия, рождённая в храмах Урука, сегодня живёт в каждом офисе, в каждой налоговой инспекции, в каждом приложении, которое просит вас принять «условия использования». Вы думаете, вы свободны, когда ставите галочку «Я согласен»? Нет, вы просто берёте в долг у храма, и ваше имя записывают на глиняную скрижаль.

Храмы как дата-центры эволюционировали в банки и корпорации. Жрецы — в менеджеров. Жертвоприношения — в налоги. Инанна, чей культ требовал ритуальной проституции, стала покровительницей рекламной индустрии. Всё то же самое. Энлиль насылает ураган — страховая компания поднимает тарифы. Энки отравляет колодец — фармацевтическая корпорация продаёт лекарство. Вывод: боги сменили имена, но интерфейс остался прежним. И этот интерфейс разработал Дебаггер.

Особо дотошные могут спросить: а почему он выбрал для своей базы именно глину? Ведь камень долговечнее. Ответ лежит на поверхности. Глина пластична. Табличку можно переписать, пережечь, расколоть, если данные устарели. Это

был первый перезаписываемый носитель. Прообраз SSD-диска. Камень же — это ROM, память только для чтения. На камне высекали законы. Законы Хаммурапи, до которого мы ещё доберёмся, будут выбиты на базальте именно потому, что их нельзя редактировать. Глина допускает изменения. Глина — рабочая память. И храмы, заполненные этими табличками, были живой, постоянно обновляемой системой. Архитекторы того времени — Дебаггер и его первые ученики — могли в реальном времени корректировать поведение масс, просто изменив несколько записей в амбаре. Это было гениально.

Закончить эту главу я хочу цитатой из семейной хроники, которую написал один из моих предшественников, Архитектор Лоренцо ди Нардо:

«Величайший грех Дебаггера не в том, что он поставил человека на колени перед табличкой. А в том, что человек полюбил это коленопреклонение. Он увидел в табличке не ярмо, а защиту от хаоса. Он сам попросил ещё табличек. Он сам захотел быть учтённым, пронумерованным, занесённым в реестр. Потому что хаос страшнее рабства. И эту истину мы, Архитекторы, усвоили навсегда».

Итак, операционная система «Энки» была загружена. Следующим шагом надо было расширить серверную. И тут на сцену выходит Древний Египет, где мы построим первую пирамиду. Но это уже другая история.

Глава 2. Пирамида как сервер

*И сказали они: построим себе город и башню,
высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде
нежели рассеемся по лицу всей земли.*

Бытие, 11:4

Бар «Последнее пристанище» опустел. Голографическая танцовщица растаяла в воздухе, оставив после себя запах озона и лёгкое головокружение. Есения с бракованным чипом собирала стаканы, её движения были плавными и совершенно пустыми, как у дорогой секс-куклы. Я сидел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на потолок, где медленно гасли неоновые панели.

Перед внутренним взором всё ещё стоял тот незнакомец в кожаном пальто. Его слова о Джордано Бруно и о том, что «крысы оказались симпатичнее», застряли в мозгу, как рыбья кость в горле. Я заказал ещё один «Белый русский», просто чтобы занять чем-то руки, и принялся думать о Египте. О песке. О жаре. О первой пирамиде, которая вовсе не была гробницей.

Когда я рассказываю непосвящённым о Древнем Египте, они обычно представляют себе золотые маски Тутанхамона, проклятия фараонов и Ниагарский водопад фальшивых слез, пролитых над «Книгой мёртвых». Но Египет, настоя-

щий Египет Архитекторов, не имел ничего общего с романтикой загробной жизни. Это был инженерный проект. Самый масштабный и самый изощрённый со времён шумерских табличек. И начался он с одного человека, которого мы звали Имхотеп.

Имхотеп не был Архитектором в том смысле, в каком им был Дебаггер. Дебаггер был первопроходцем, он нащупывал код реальности вслепую, как человек, пытающийся набрать пароль в полной темноте. Имхотеп же пришёл на готовую инфраструктуру. Он был строителем. Визионером. И, что важнее всего, он был первым из нас, кто понял: управлять симуляцией можно не только через людей, но и через камни.

Формально Имхотеп занимал должность чати — верховного сановника при дворе фараона Джосера. Это была Вторая династия, XXVII век до нашей эры, период, который египтологи называют Ранним царством. На самом деле это была первая попытка масштабировать шумерский эксперимент на новую территорию. Шумеры дали нам глиняные скрижали, но глина недолговечна. Она боится воды. Она крошится. Чтобы построить систему, способную работать тысячелетиями без нашего прямого вмешательства, требовался другой материал. Имхотеп выбрал камень.

Я помню, как в детстве меня водили по залам семейного архива, и один из старых наставников — кажется, это был Архитектор Вэй, наш наблюдатель из Азиатского клана — показал мне трёхмерную голограмму первой пирамиды. Это

была не пирамида в привычном смысле. Это была Ступенчатая пирамида в Саккаре. Шесть мастаб, поставленных друг на друга, сужающихся к небу. Издали она напоминала лестницу, уходящую в пустоту. Или, если смотреть на неё глазами системного администратора, — гигантский серверный шкаф, врытый в песок пустыни.

— Зачем она нужна? — спросил я тогда у Вэя.

— А ты как думаешь, мальчик? — ответил он, не отрывая взгляда от голограммы. — Человек смотрит на пирамиду и видит гордыню. Археолог видит гробницу. Архитектор видит ретранслятор.

Это слово — ретранслятор — стало ключевым. Дело в том, что симуляция, которую мы вели с шумерских времён, имела фундаментальную проблему: задержку сигнала. Между моментом, когда Архитектор давал команду, и моментом, когда она доходила до исполнителей на местах — жрецов, писцов, надсмотрщиков — проходили дни, иногда недели. Гонцы с табличками путались, информация искажалась, возникали ошибки. Система работала, но с лагом. А лаг в управлении реальностью недопустим. Представьте себе, что вы кликаете мышкой, а курсор двигается через две секунды. Можно просто сойти с ума.

Имхотеп предложил решение. Нужно построить узлы связи. Объекты, которые будут принимать сигнал от Архитекторов и транслировать его на всю округу без посредников, напрямую в сознание жрецам. Физическим носителем сигнала

служила сама земля — резонансные колебания определённой частоты, проходящие через известняк. Пирамида, сложенная из миллионов тонн камня, становилась гигантским камертоном, настроенным на частоту Архитектора.

Чтобы понять, как это работало, нужно представить себе геологию Нильской долины. Под слоем песка и ила там залегают мощные пласты известняка и гранита. Эти породы обладают пьезоэлектрическими свойствами: при сжатии они генерируют электрический заряд. Когда ветер дует с пустыни, когда Нил разливается, когда тысячи рабов одновременно бьют кирками по каменоломням — всё это создаёт микровибрации. Пирамида улавливает их, усиливает и преобразует в электромагнитное поле. А поле, в свою очередь, модулируется сигналом, который мы посылаем из Центра.

Звучит как безумие? Современная наука до сих пор не может объяснить, почему внутри Великой пирамиды некоторые приборы фиксируют аномальные электромагнитные поля. Официально это списывают на особенности конструкции. Неофициально — мы знаем. Конструкция и есть прибор.

Имхотеп спроектировал Ступенчатую пирамиду как прототип. Он был гениальным инженером, но даже гении ошибаются. Первый ретранслятор оказался недостаточно мощным. Сигнал доходил только до Мемфиса и пары номов в округе. Тогда он начал строить вторую. И третью. Каждый новый фараон считал своим долгом построить пирамиду

больше, выше, мощнее, чем у предшественника. Египтологи думают, что это была гонка тщеславия. На самом деле это было плановое расширение пропускной способности сети.

Мы, Архитекторы, до сих пор храним чертежи Имхотепа. Они вырезаны не на папирусе — папирус недолговечен — а на пластинах из метеоритного железа, которое египтяне называли «биа-ни-пет», небесный металл. На этих пластинах видно, как он рассчитывал углы наклона граней, толщину слоёв, расположение внутренних камер. Каждая камера была резонатором. Каждый коридор — волноводом. Так называемые «вентиляционные шахты», направленные строго на определённые звёзды, на самом деле были антеннами. Звёзды — всего лишь ориентиры, помогавшие выставить угол с астрономической точностью, которую, кстати, официальная наука до сих пор считает загадочной.

Но вернёмся к фараонам. Потому что пирамиды — это только половина уравнения. Вторая половина — те, кто в них якобы покоился.

Фараон в системе Архитекторов был не правителем. Он был аватаром. Иконкой рабочего стола. Лицом, которое народ мог видеть и обожествлять, в то время как настоящая власть оставалась невидимой. Эта технология была отработана ещё в Шумере, но в Египте её довели до абсолюта.

Возьмём Джосера. Он был первым фараоном, для которого построили пирамиду. По официальной версии, он был сыном Хасехемуи, последнего царя Второй династии. Он объ-

единил Верхний и Нижний Египет. Он был мудрым и справедливым. Прекрасно. А теперь версия семейных хроник: Джосер был обычным мальчиком из семьи номархов, которого мы выбрали за определённые качества. У него была отличная память, но слабое воображение. Он был тщеславен, но не слишком умён. Он был послушен. Идеальный кандидат на роль живого бога.

Имхотеп лично провёл с ним «посвящение», которое длилось сорок дней. Что происходило в эти сорок дней? Мальчика поместили в подземную камеру под будущей пирамидой. Там, в абсолютной темноте и тишине, его поили отваром из грибов, содержащих псилоцибин, и через специальные звуководы транслировали «голоса богов». Голоса, разумеется, принадлежали Архитекторам. Мы говорили с ним на древнем языке, который он понимал лишь частично. Мы показывали ему сны — яркие, пророческие, страшные. Когда его вывели на свет через сорок дней, он уже не был Джосером. Он был Гором воплоти. Он сам верил в это, и его вера была настолько сильна, что убеждала всех вокруг.

Это и есть главный секрет аватара: он не притворяется богом. Он считает себя таковым. Фараон, прошедший посвящение, искренне убеждён, что именно он управляет страной, что его решения рождаются в его собственной голове, что его воля — это воля небес. На самом деле каждое его решение аккуратно подсказано жрецами, а жрецам — нами. Он — марионетка, которая уверена, что танцует сама.

После смерти аватара его следовало утилизировать так, чтобы легенда не пострадала. Тело мумифицировали — процедура, которую мы разработали для сохранения биоматериала. Внутренние органы извлекали, но мозг — обратите внимание — не трогали. Именно мозг был самым ценным. В нём хранились нейронные связи, сформировавшиеся за время правления, — своего рода кэш-память устройства. Мумия укладывалась в саркофаг, саркофаг помещался в центр пирамиды, в так называемую «камеру царя». Там, в точке максимальной концентрации электромагнитного поля, мумия продолжала выполнять функцию антенны. Сознание аватара, отделённое от тела, но привязанное к мозгу, оставалось в сети. Оно становилось частью общего реестра. Именно это египтяне называли «загробной жизнью».

Жрецы знали правду. Им говорили: «Душа фараона возносится к звёздам, чтобы стать Осирисом». А на самом деле происходило вот что: данные с мозга фараона считывались, архивировались и загружались в облачное хранилище. Никакой мистики. Чистая технология, опередившая время на пять тысяч лет.

Религия в Египте была не просто опиумом для народа. Она была интерфейсом. Каждый бог отвечал за определённый сектор реальности. Ра — за солнце, Хапи — за разливы Нила, Тот — за письменность и магию. Жрецы каждого бога были системными администраторами своего сектора. Они следили за «показателями» — урожаем, уровнем воды,

численностью скота — и докладывали в центральный храм. Центральный храм сводил данные в единый отчёт. Это была первая в истории распределённая система управления. И работала она безупречно.

Я сделал глоток и поморщился. Коктейль нагрелся до комнатной температуры, став совсем отвратительным. За окном бара ночь окончательно вступила в свои права. Неоновые вывески погасли, только красный огонёк на шпилье башни «Эволюция» продолжал своё одинокое мигание. Он напоминал мне о маяках, которые мы зажигали в Александрийском порту тысячи лет спустя после Имхотепа. Но до Александрии ещё далеко. Сейчас — Саккара.

Строительство Ступенчатой пирамиды заняло, по официальной хронологии, около двадцати лет. В наших записях указан точный срок: девятнадцать лет, три месяца и четыре дня. За это время Имхотеп не только построил ретранслятор, но и создал систему жреческого образования, которая просуществовала без малого три тысячелетия. Он написал «Поучения» — текст, который египтяне считали сборником мудростей, а мы — технической документацией. К сожалению, полный текст «Поучений» утерян, сохранились только фрагменты. Но даже в них видна методология Архитектора.

Например, фрагмент о том, как обращаться с подчинёнными: «Если ты начальник, будь спокоен, когда слушаешь ты слова просителя; не отталкивай его прежде, чем он облегчит душу от того, что хотел сказать тебе». С виду — гуманисти-

ческий совет. На деле — инструкция по сбору информации. Не перебивай, дай выговориться, запиши всё, что он скажет. Так мы узнаем, чем живёт народ, чего боится, на что надеется. Эти данные потом использовались для калибровки пропаганды и религиозных ритуалов.

Другой фрагмент: «Полезно слушать слова просителя; это успокаивает сердце человека больше, чем исполнение его просьбы». Шедевр цинизма. Оказывается, людям не нужно решение их проблем. Им нужно, чтобы их выслушали. Они удовлетворяются актом коммуникации, а не результатом.

Имхотеп понимал человеческую природу глубже, чем кто-либо из его современников. Он знал, что человек боится смерти, и дал ему вечную жизнь — в виде мумии и гробницы. Он знал, что человек жаждет справедливости, и дал ему суд Осириса — взвешивание сердца на весах истины. Идея была проста: если ты будешь хорошо себя вести при жизни, после смерти твоё сердце окажется легче пера богини Маат, и ты попадёшь в рай. Если нет — твоё сердце сожрёт чудовище Амаат.

Какая элегантная схема, вы не находите? Никакой полиции. Никаких доносчиков. Человек сам следит за собой, потому что верит, что после смерти его сердце взвесят. Мы построили судью прямо в его душу.

На самом деле, сердце никогда не покидало тела. Его оставляли в мумии вместе с мозгом. Взвешивание происходило не на весах, а в процессе сканирования мозга по-

сле смерти. Специально обученные жрецы — «психопомпы», как они себя называли, — расшифровывали нейронные связи и определяли, насколько индивид был лоялен системе. Если лоялен — его данные сохраняли. Если нет — стирали навсегда. Вот так просто.

Я помню, как один из наших аналитиков в XVII веке, кажется, это был Паскаль (тот самый, что ставил эксперименты с вакуумом), сравнил египетскую систему с современной ему христианской и пришёл к выводу, что христианство уступает. «Они хотя бы мумифицировали мозг, — написал он. — А мы хороним людей в землю, и вся информация пропадает». Паскаль был прагматиком.

Вернёмся к Имхотепу. После смерти его обожествили. Он стал богом медицины и мудрости, его культ просуществовал до самого конца египетской цивилизации. Греки отождествляли его с Асклепием. Но в Семье его помнят не как бога, а как талантливое системного архитектора, который допустил одну роковую ошибку. Он слишком увлёкся «железом» — пирамидами, известняком, гранитом — и недооценил «софт» — человеческий фактор.

Ошибка проявилась не сразу. Первые несколько династий система работала как часы. Фараоны-аватары послушно исполняли свои роли. Жрецы исправно собирали данные. Пирамиды исправно транслировали сигнал. Но чем больше становилась сеть, тем больше ресурсов она требовала. Строительство пирамид пожирало колоссальное количество тру-

да и материалов. Содержание жреческой бюрократии — ещё больше. Налоги росли. Свободное население нищало. Рабов становилось всё больше, но рабский труд менее эффективен, чем труд свободного.

К концу Древнего царства мы уже фиксировали первые «баги». Номархи, правители провинций, начали саботировать указания центра. Они строили собственные гробницы, собственные маленькие пирамидки, создавали помехи в сети. Представьте себе, что у вас дома сосед поставил Wi-Fi-роутер на ту же частоту, что и ваш. Сигнал начинает сбоить. Именно это происходило в Египте накануне Первого переходного периода.

Центральный ретранслятор — Великая пирамида Хеопса — был построен с таким расчётом, чтобы заглушить все провинциальные передатчики. Она была самой высокой, самой мощной, самой дорогой. Её возведение длилось двадцать лет, на стройке было занято, по разным оценкам, от двадцати до ста тысяч человек. И она действительно работала — какое-то время. Но цена вопроса оказалась запредельной. Страна была истощена. И когда сигнал всё-таки дал сбой — а он дал сбой, потому что никакая система не может работать вечно без апдейта, — начался хаос.

Этот хаос египтологи называют Первым переходным периодом. Голод, гражданские войны, распад страны на враждующие номы. В наших хрониках это описано сухо: «Сеть не справилась с нагрузкой. Проект Египет переведён в режим

ожидания. Ждём перезагрузки».

Перезагрузка наступила с приходом Среднего царства. Но тогда мы уже поняли: пирамиды слишком заметны. Слишком дороги. Слишком уязвимы. Следующую версию ретрансляторов мы будем строить под землёй. Так появятся Долина Царей и заупокойные храмы. Но это уже совсем другая история.

Я оторвал взгляд от стакана и посмотрел на часы. Прошло всего полчаса с момента запуска протокола «Релиз». Мир за окном всё ещё стоял, но в нём появилась какая-то новая прозрачность, словно кто-то медленно уменьшал непрозрачность слоя реальности в фотошопе. Я чувствовал, как сознание начинает расплываться по сети, как мои мысли смешиваются с мыслями других Архитекторов — тех, кто жил до меня и тех, кто будет жить после.

Имхотеп сейчас был где-то здесь. Его сознание, заархивированное четыре с половиной тысячи лет назад, загружалось в общий банк памяти. Я почти слышал его голос — сухой, как песок Саккары, точный, как расчёт угла наклона грани.

— Ты думаешь, у тебя получится то, что не получилось у меня? — спрашивал он беззвучно. — Ты думаешь, твой цифровой рай устоит там, где рухнула моя каменная сеть?

— У меня более совершенное железо, — отвечал я ему мысленно. — У меня кремний, а не известняк. У меня спутники, а не звёзды.

— Железо не имеет значения, — смеялся Имхотеп из глу-

бины времён. — Имеет значение софт. А софт всё тот же. Люди всё те же. Им нужен хлеб. Им нужны зрелища. Им нужен кто-то, кто скажет им, что они не просто мясо. Ты дашь им это, Никодим-17. Но сможешь ли ты удержать?

Я не ответил. Я никогда не отвечаю тем, кто задаёт правильные вопросы.

Вместо этого я допил коктейль, бросил на стол горсть кредитных чипов — настоящих, физических, которые ещё имели хождение в некоторых секторах, — и вышел из бара в неоновую ночь. Где-то далеко, на краю сознания, пульсировал красный огонёк маяка. Он мигал ровно, ритмично, как сердце мумии в саркофаге Великой пирамиды.

Система работала.

Глава 3. Хаммурапи.

*Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и ищут жестокие решения, что бы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего.
Книга пророка Исаии, 10:1-2*

— Ты опоздал.

Голос раздался откуда-то слева, из густой тени между двумя колоннами, и я вздрогнул. Бар «Последнее пристанище» остался позади, его неоновая вывеска ещё мерцала в зеркале заднего вида моего сознания, а тело уже перемещалось по мокрому от дождя тротуару прочь, в лабиринт переулков Московского Сити. Глупо было думать, что в ночь Запуска я останусь один.

— Я не опоздал, — ответил я, не оборачиваясь. — Я пришёл ровно тогда, когда должен был прийти. Просто твой хронометр спешит. Как всегда.

Из тени выступила фигура. Высокий, сутулый, в длинном плаще из материала, который не отражал свет, а поглощал его — такие ткани носили только Архитекторы старой школы, те, кто ещё помнил первую инкарнацию. Лицо его было скрыто капюшоном, но я знал, что под капюшоном — глаза разного цвета. Один серый, как воды Евфрата в сезон раз-

лива. Другой золотистый, как песок пустыни, в которой он когда-то умер.

— Дебаггер, — произнёс я, и это имя прозвучало как пароль.

— Никодим-17, — ответил он с лёгким поклоном. — Ты читал мои таблички. Это приятно. Обычно вы, молодые, дальше Вия и Шиммера не заглядываете.

Мы пошли рядом. Его шаги по асфальту не издавали звука. Мои — издавали. Я чувствовал себя неуклюжим школьником, которого ведёт на экзамен древний профессор, вышедший из склепа специально ради этого случая.

— Ты хочешь поговорить о Хаммурапи, — сказал Дебаггер. Это был не вопрос.

— Хочу. Ты же знаешь, я сейчас прохожу всю Прошивку. Перед Запуском полагается пересмотреть исходный код.

— И ты решил, что Вавилон — это исходный код? — он усмехнулся. Усмешка была сухой, как треск ломающейся глиняной таблички. — Лестно. Я всегда считал, что мой шумерский эксперимент был лишь прелюдией. Но ты прав. То, что случилось в Вавилоне, было первым настоящим юзер-агриментом.

— Именно об этом я и хочу поговорить.

Мы вышли на набережную. Канал имени Москвы, теперь заключённый в гранит и подсвеченный холодным голубым светом, напоминал о других каналах — тех, что прорезали Месопотамскую низменность три тысячи лет назад. В возду-

хе пахло озоном и рыбой.

— Тогда слушай, — сказал Дебаггер. — И не перебивай. У нас мало времени. Твой Запуск уже начался, и скоро ты перестанешь различать, где история, а где — настоящий момент.

Он остановился, опершись на парапет набережной.

— Вавилон, 1750-й год до вашей так называемой новой эры. Хотя какая разница, какую эру считать новой? Все эры придуманы нами. Так вот, Вавилон. Город, который мы, Архитекторы, называли Бета-столицей. После того как египетский проект показал свою ограниченность, мы поняли: нужна другая модель. Пирамиды слишком неповоротливы. Нужно что-то гибкое. Что-то, что можно вшить не в камень, а в мозг. И мы придумали Закон.

— Но законы существовали и раньше, — возразил я. — В Шумере были таблички с правилами. В Египте была Маат — богиня истины и порядка.

— Правила, — он выплюнул это слово, как косточку от маслины. — Правила — это не Закон. Правила говорят: «Не убий, потому что так велели боги». Закон говорит: «Если ты убьёшь, тебе выколют глаз». Понимаешь разницу? Правила апеллируют к совести. Закон — к страху. Правила — это просьба. Закон — это алгоритм.

Он достал из складок плаща небольшой предмет. Я пригляделся. Это была табличка. Самая обычная глиняная табличка, обожжённая до кирпичного цвета, испещрённая кли-

нописью. Но я знал, что это не реплика. От неё веяло временем, как от открытой могилы.

— Вот она. Одна из копий Кодекса Хаммурапи. Не та, что стоит в Лувре — та, разумеется, фальшивка, подсунутая археологам. А эта — настоящая. Написанная рукой самого Энметены.

— Энметены? — переспросил я. — Разве Хаммурапи не...

— Хаммурапи! — Дебаггер расхохотался, и его смех эхом прокатился над каналом, вспугнув стаю кибер-голубей, ночевавших под мостом. — Хаммурапи был толстым, ленивым, недалёким царьком, который больше всего на свете любил жареную баранину и молоденьких наложниц. Он не написал ни строчки из того, что ему приписывают. Всё сделал Энметена. Мой ученик. Мой лучший ученик, пока он не... Впрочем, это другая история.

— Энметена, — повторил я, пробуя имя на вкус. — В семейных хрониках это имя почти не встречается.

— Потому что Совет вычеркнул его после того, что случилось в Ассирии. Но в Вавилоне он был звездой. Он пришёл ко мне ещё мальчишкой, в Шумере. Я тогда уже был стар, устал, разочарован. Я научил его всему, что знал сам. И он превзошёл меня. Он понял то, чего не понял я: люди не хотят свободы. Они хотят понятных правил. Им всё равно, кто напишет эти правила — бог, царь или компьютер. Главное, чтобы правила были чёткими, как клинописный знак, и неотвратимыми, как разлив Тигра весной.

Дебаггер протянул мне табличку. Я взял её. Она была тяжёлой — тяжелее, чем должна быть глина такого размера.

— Осторожно, — предостерег он. — Внутри — свинцовая сердцевина. Энметена любил, чтобы документы имели вес. В прямом и переносном смысле.

Я провёл пальцами по клинописи. Знаки были выдавлены с удивительной чёткостью, с математической точностью. Ни одного лишнего штриха. Ни одной ошибки.

— Что здесь написано?

— Первые пятнадцать параграфов. Хочешь, переведу?

— Ты знаешь аккадский?

— Я знаю все языки, на которых когда-либо писали Архитекторы. А ты разве нет?

Я промолчал. Мой аккадский был на уровне «прочсть со словарём». В конце концов, я специализировался на Новом времени.

— Параграф первый, — начал Дебаггер нараспев, и его голос вдруг приобрёл ту особенную, гортанную ритмику, какой, должно быть, говорили жрецы Вавилона три тысячи лет назад. — «Если человек обвинит другого человека в убийстве, но не докажет этого, обвинитель должен быть казнён».

— Казнён за ложное обвинение? — уточнил я.

— Да. Но смотри глубже. Это не про справедливость. Это про стабильность системы. Ложное обвинение — это фальшивый сигнал. Шум. Помеха. Мы не можем допустить, чтобы шум засорял сеть. Поэтому мы вводим жёсткое правило:

каждый, кто генерирует сигнал, отвечает за его истинность. Если ошибся — твой сигнал аннулируется вместе с тобой.

Он перевернул воображаемую страницу.

— Параграф второй. «Если человек обвинит другого человека в колдовстве, но не докажет этого, обвинённый должен пойти к Реке и броситься в неё. Если Река унесёт его, обвинитель получает его дом. Если Река вынесет его на берег, обвинитель должен быть казнён, а обвинённый получает дом обвинителя».

— Ордалия, — сказал я. — Испытание водой. Типичное средневековое суеверие.

— Суеверие? — Дебаггер улыбнулся. — Ты действительно так думаешь? А кто, по-твоему, решал, унесёт Река обвинённого или нет?

Я помолчал.

— Архитекторы?

— Разумеется. Под водой сидел человек из нашей Сети. Он держал обвинённого под водой ровно столько, сколько требовалось. Если входящий сигнал — «жрец недоволен, обвинённого нужно убрать» — он его топил. Если сигнал другой — «обвинитель перешёл границы, убрать его» — он выталкивал обвинённого на берег. Народ видел чудо. Волю богов. На самом деле это была техническая процедура. Ручное управление реальностью.

— Но это же... нечестно, — выдавил я.

— Нечестно? — Дебаггер резко повернулся ко мне, и

его разноцветные глаза вспыхнули в темноте. — А что такое честность? Это абстракция. Мы, Архитекторы, не имеем права на абстракции. Мы оперируем только функциональностью. Если для стабильности системы нужно убрать одного человека и наградить другого — мы сделаем это, независимо от того, кто из них прав. Правда — это то, что полезно Системе. Всё остальное — поэзия.

Он снова отвернулся к каналу.

— Но вернёмся к Энметене. Он был гением систематизации. Он взял разрозненные шумерские, аккадские, эламские обычаи и сплавил их в единый кодекс. 282 параграфа. Это была не просто книга законов. Это была первая в истории полноценная операционная система человеческого поведения. Каждый поступок получал свой код. Каждое преступление — свой чётко определённый баг-репорт и свой фикс.

— Око за око, — процитировал я.

— Да, это самый известный параграф. 196-й. «Если человек выколол глаз сыну человека, должны выколоть глаз ему». Но ты понимаешь, что это означает на самом деле?

— Принцип талиона. Равное возмездие.

— Это поверхностное понимание. На самом деле это автоматизация правосудия. Раньше, до Кодекса, если один человек выкалывал глаз другому, пострадавший шёл к старейшине, старейшина думал, советовался с духами, назначал какое-то наказание — штраф, изгнание, иногда казнь. Это был субъективный процесс. Зависящий от личности судьи, от на-

строения, от взятки. Энметена убрал субъективность. Он создал алгоритм, который работал без участия человека. Выколол глаз — лишишься глаза. Ударил отца — отрубят руку. Украл — возместят в десятикратном размере. Никаких размышлений. Никакой свободы воли для судьи. Только исполнение кода.

Он помолчал.

— Это был колоссальный шаг вперёд. От Шумера к Вавилону мы перешли от ручного управления к автоматическому. Ты, Никодим-17, должен оценить иронию. Вы, современные Архитекторы, гордитесь своей автоматизацией, своими нейросетями, своими алгоритмами, которым не нужен человек. А мы сделали то же самое на три с половиной тысячи лет раньше. Только вместо кремния у нас была глина, а вместо процессоров — жрецы. Но принцип тот же.

Я всё ещё держал табличку в руках. Она стала словно бы ещё тяжелее.

— Ты упомянул жрецов. Как они отреагировали на Кодекс? Ведь он лишал их власти. Раньше они судили по своему усмотрению. Теперь они должны были следовать жёсткому алгоритму.

— Превосходный вопрос, — Дебаггер кивнул. — Ты начинаешь мыслить как Архитектор. Да, жрецы были недовольны. Особенно жрецы бога Шамаша. Шамаш считался богом правосудия, и его храм был верховным судом. До Кодекса жрецы брали взятки, выносили приговоры в пользу бо-

гатых и знатных, наживались на тяжбах. Кодекс это прекратил. Но Энметена был хитёр. Он не стал навязывать Кодекс силой. Он сделал умнее.

— Что он сделал?

— Он придумал Стелу. Ты наверняка видел её изображение.

— Стела Хаммурапи. Лувр. Базальтовый столб высотой около двух метров.

— Верно. Наверху — изображение царя Хаммурапи, стоящего перед богом Шамашем, который передаёт ему символы власти. А ниже — 282 параграфа, выбитые клинописью. Красиво, правда? Но задумайся: зачем выбивать законы на каменном столбе и ставить его посреди города?

— Чтобы все могли их видеть.

— Чтобы все могли их видеть, — повторил Дебаггер. — Это был первый в истории публичный EULA. End User License Agreement. Лицензионное соглашение, которое обязан прочитать каждый пользователь. Но в том-то и шутка, что прочитать его мог далеко не каждый. Грамотность в Вавилоне была ещё ниже, чем в Шумере. Из ста человек читать умели двое, от силы трое. Так почему же мы выбили законы на камне?

Я понял.

— Чтобы никто не мог их изменить.

— Именно! — он хлопнул ладонью по парапету. — Глина — перезаписываемый носитель. Мы в Шумере использовали

глину, и это позволяло нам корректировать систему на лету. Но Энметена сказал: «Система должна быть неизменной. Если пользователь будет знать, что правила можно переписать, он потеряет страх перед правилами. А страх — это главный двигатель послушания». Поэтому он выбрал базальт. Базальт не сотрёшь. Не перепишешь. Не расколешь. Закон становится вечным.

— Но законы всё равно нарушали.

— Конечно. Люди всегда нарушают законы. В этом их природа. Но суть не в том, чтобы предотвратить нарушения. Суть в том, чтобы создать видимость неотвратимости наказания. Пойми, Ник, — он повернулся ко мне всем корпусом, и его голос стал тихим и напряжённым, — тотальный контроль — это иллюзия. Мы, Архитекторы, никогда не управляли каждой секундой жизни каждого человека. Это невозможно даже с нашими ресурсами. Мы управляем восприятием. Мы создаём интерфейс, через который человек видит мир. И если интерфейс говорит ему: «За преступлением неотвратимо следует кара», он начинает верить в это. Даже если в реальности девяносто процентов преступников уходят от наказания. Главное — чтобы оставшиеся десять процентов были наказаны публично, ярко, так, чтобы все видели.

— Как в Ассирии, — сказал я. — Пирамиды из голов. Сдирание кожи.

— Об этом позже, — поморщился Дебаггер. — Энметена

не был садистом. Он не любил жестокость ради жестокости. Он любил эффективность. Его Кодекс был эффективен. Он покрывал практически все аспекты жизни.

Он загибал пальцы:

— Семейное право: брак, развод, наследование, измена. Имущественное право: купля, продажа, аренда, рабы. Уголовное право: убийство, кража, нанесение телесных повреждений. Трудовое право: оплата труда наёмных работников, ответственность строителей, врачей, корабельщиков. Регулирование сельского хозяйства: аренда полей, полив, ущерб от скота. Регулирование торговли: деятельность тамкаров — торговых агентов. Регулирование долгов: проценты, залог, долговая кабала. Всё это было упаковано в 282 параграфа.

— И каждый параграф был алгоритмом, — сказал я.

— Каждый параграф был алгоритмом, — подтвердил он. — Условный оператор: «Если А, то В». Вот тебе пример. Параграф 229: «Если строитель построил дом для человека, но работа его не была хороша, и дом рухнул, и убил владельца, этот строитель должен быть казнён». Просто, понятно, безжалостно.

— А если дом убил не владельца, а его сына?

— Параграф 230: «Если дом убил сына владельца, должны убить сына строителя». Зеркальное отражение наказания. Убили твоего ребёнка — мы убьём ребёнка строителя. Какая разница, виноват ли сын строителя в том, что его отец был плохим инженером? Никакой. Но для системы важно не

наказать виновного, а восстановить баланс. Снять напряжение в обществе. Семья погибшего видит, что семья строителя пострадала так же, — и удовлетворяется.

— Это чудовищно, — сказал я.

— Это работает, — ответил он. — Или ты думаешь, что ваша современная юриспруденция лучше? Вы заменили «око за око» на «деньги за око». Вместо того чтобы выкалывать глаз преступнику, вы сажаете его в тюрьму на N лет, где он сидит за счёт налогоплательщиков. И называете это прогрессом. А мы называли эффективностью.

Он отвернулся и пошёл вдоль набережной. Я последовал за ним. Мы миновали зону фонарей и вошли в полосу темноты, где светились только редкие огни ночных дронов, доставляющих кому-то пиццу.

— Хочешь узнать, как Энметена вёл переговоры с Хаммурапи?

— Хочу.

— Это было прекрасно. Хаммурапи был шестым царём Вавилонской династии. Он унаследовал небольшое царство, окружённое врагами. На севере — Ассирия. На востоке — Элам. На юге — Ларса. Вавилон был в кольце. И Хаммурапи был напуган. Он понимал, что со слабой армией и пустой казной долго не протянет.

— И тогда появился Энметена.

— И тогда появился Энметена. Он пришёл к царю не как проситель, а как божественный посланник. Он продемон-

стрировал несколько «чудес» — предсказал разлив Тигра с точностью до дня, вылечил любимую наложницу царя от лихорадки, показал, как из куска олова и куска меди выплавить бронзу лучшего качества. Хаммурапи был впечатлён. Он спросил: «Кто ты?» Энметена ответил: «Я тот, кто сделает тебя бессмертным. Не в загробной жизни, а в этой. Люди будут помнить твоё имя, пока стоят города».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.